

ПСИХОЛОГИЯ

Л. Т. Баранская

ПСИХОЛОГИЯ НАРЦИССИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЧЕЛОВЕКА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНОСТИ

Развитие высокотехнологичного производства, изменение условий труда и быта, появление новых мульти- и массмедиасредств, рост доходов населения, доминирование урбанистической цивилизации, успехи пластической хирургии и генной инженерии, возникновение и распространение новых форм религиозности изменили коренным образом не только среду обитания человека, но и его жизнь в целом.

Современный человек все более остро переживает состояние одиночества, осознает изменчивость и временность бытия, а значит, необязательность собственной социальной значимости, возможности альтернативных форм поведения и ролевой идентичности. Человек становится импресарио собственного облика, реализуя стратегию своего личного жизненного маркетинга, рекламы и PR. Этот облик не опирается на логику различия, индивидуации. Более того, человек не всегда контролирует этот имидж, который начинает жить своей жизнью, поскольку не отражает суть личности, ее идентичность, а является «личностью-для-других», обеспечивающей тайну возраста, этничности, пола. Тело предстает

БАРАНСКАЯ Людмила Тимофеевна — заведующая кафедрой клинической психологии факультета психологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького, кандидат педагогических наук, доцент, медицинский психолог высшей категории, специалист в области психологии телесности и психотерапии личностных расстройств (E-mail: lubaran@rambler.ru).

© Баранская Л. Т., 2008

уже не только и даже не столько проявлением самовоспроизводящей силы жизни, сколько реализацией некоего конструктивного замысла, свободно принятого решения. Иными словами, «личность обретает новую целе- и телесообразность там, где разреженное пространство свободы сгущается и уплотняется этикой новой вмняемости и ответственности»¹, — утверждает Г. Л. Тульчинский.

Общество потребления в системе значимых ценностей, активно пропагандируемых средствами массовой коммуникации, одно из первых мест отдает идеальному, вечно молодому, стройному и подтянутому телу, которое является эталоном успешности, жизненной состоятельности, счастья и удовлетворенности собой. Культ совершенного тела превратился в массовую, лихорадочную погоню за идеалом. Желание победить время и сохранить свое тело молодым, если уж не навсегда, то по крайней мере надолго, изменить его в желательном направлении тем или иным методом, например при помощи эстетической хирургии, ставит ее в один ряд с новшествами в других сферах социально-технического прогресса. В эпоху потребительского капитализма, развития и совершенствования технологий, либерального индивидуализма в западных странах, и особенно Соединенных Штатах Америки, эстетическая хирургия стала неотъемлемой частью культуры современного общества. О степени влияния эстетической хирургии на общественное сознание свидетельствуют следующие данные: по данным Американского общества пластической хирургии в 2000 г. было проведено на 198 % операций больше (по сравнению с 1992 г.) — 1,3 млн операций.

Необходимым условием особой роли и значения эстетической хирургии в культуре современного общества является превращение индустриального или капиталистического общества в глобальное общество, что часто называют процессом модернизации, связывают с индивидуализацией, а порой и присваивают ему имена «индивидуализированное общество», «общество индивидов» или даже «эра индивида». Содержанием такой модернизации становится интенсификация существенных конфликтов самого индустриального общества, прежде всего усиление неустраимых противоречий его основных институтов, что позволяет в целом охарактеризовать его как «общество риска».

В первую очередь это связано с возникновением новых форм отчуждения труда, обусловленных изменением структуры занятости. Увеличение числа «белых воротничков» и одновременное уменьшение числа «синих воротничков» приводит к тому, что меняются не только требования к работнику и отношение к работе, но и отношение человека к самому себе. Основную ценность теперь представляют не способности работника, а его «умения» поддерживать межличностные отношения сотрудничества, сопереживания и взаимных уступок. По замечанию Р. Сенетта, наиболее ценным становится тот работник, который вовремя повышает квалифика-

цию или меняет специализацию, приобретает новую профессию, изменяет свое семейное положение и место жительства, чтобы удовлетворить меняющиеся требования руководства². Невозможность проявить свое «я» на рабочем месте (вкуче с разочарованием в политике) приводит к тому, что понятие п у б л и ч н а я л и ч н о с т ь начинает восприниматься как оксюморон, а единственным полем самореализации становится интимная жизнь. Для культуры интимности характерна индивидуалистичная, нестабильная, погруженная в себя самость, не сулящая ничего доброго тем, кто рассчитывает построить семейные, соседские, приятельские отношения. Тирания интимности приводит к тому, что «в социальных отношениях утверждается нарциссизм» как отчуждение от полной смысла внеличностной жизни.

Понятие н а р ц и с с и з м употребляется в разных, хотя и взаимосвязанных, смыслах. З. Фрейд в 1914 г. опубликовал статью³, где изложил соображения, согласно которым нарциссизм представляет собой не только расстройство характера, но и культурный императив. Более того, он указал на необходимость различать здоровый и патологический нарциссизм, несмотря на то, что провести между ними границу непросто. О патологическом нарциссизме имеет смысл говорить тогда, когда между идеальным и реальным образами существует большое расхождение, или разлад, вынуждающий личность чувствовать себя пристыженной и неполноценной по отношению к своим идеалам и действовать с тем, чтобы компенсировать свою незащищенность и бессилие выстраиванием грандиозного нарциссического образа, вызывающего зависть окружающих. В этой связи Ж. Липовецки предлагает определение нового нарциссизма, или неонарциссизма: «Неонарциссизму недостаточно нейтрализовать социальный мир, лишая социальные институты их эмоциональных вкладов; на этот раз обеспечивается само “я”, оно теряет свою идентичность, причем, как ни парадоксально, благодаря его сверхобогатению... Наше “я” утрачивает свои ориентиры и свою целостность, благодаря избытку внимания “я” стало расплывчатым»⁴. Подобно тому как, приобретая избыточный объем информации, утрачивая целостность, фрагментируется современное общество, так и «я» подвергается процессу фрагментации (или деконструкции) вследствие избыточного внимания к нему. Роль нарциссизма в современном обществе заключается в том, что он становится своего рода трудовой этикой, подтверждением чему могут послужить две его черты. Первая — постоянное повышение ожиданий, из-за чего результаты активности никогда не бывают удовлетворительными; вторая черта нарциссизма — пустота, в которой самоотрицание и самопогруженность достигают извращенного воплощения. А значит, удовольствие, получаемое Нарциссом, никогда не сможет удовлетворить его самого: оно всегда будет недостойным его грандиозной самости. Равным образом из всех объектов мира Нарциссу доступен разве лишь всемогущий

объект, который выступает в качестве посредника между ним и миром и тем самым серьезно искажает восприятие мира.

Завышенные требования к себе и бесчувственность мира подталкивают к действиям, т. е. нарциссизм оказывается императивом действия, причем не просто действия, но лихорадочной деятельности, целью которой является не рациональное преобразование мира, а тщетные попытки придать целостность и совершенство своему «я», придавая желательные качества своему телу. Необходимо подчеркнуть — не просто нарциссическую активность, но беспрестанную, безостановочную деятельность. Постоянная озабоченность самооценкой побуждает заниматься буквально всем, что предлагает современная «индустрия самоусовершенствования»: гештальттерапия, биоэнергетика, рольфинг, джоггинг, тай-цзы-цюань, современные танцы, управление разумом по методу Сильвы, иглоукалывание, рейки и пр. Предложения такого рода услуг постоянно возрастают, а спрос на них не снижается.

Нарциссическая заинтересованность в повышении самооценки и самоусовершенствовании вынуждает индивидов непрерывно играть в то, что У. Бек назвал «биографическим конструктом». Индивид внимает постоянно меняющимся рекомендациям специалистов (ученых и экспертов, журналистов и популяризаторов, целителей и провидцев). Применяя эти рекомендации, нарциссическая личность обязательно оказывается на передовых рубежах науки и техники, проверяя на себе новые, современные и модные методы усовершенствования⁵.

Одну из первых классификаций моделей для подражания, появляющихся на страницах модных журналов и используемых нарциссической личностью, предложил французский семиотик Р. Барт⁶. Им обозначены три способа воплощения идеального тела. Первый из них — тело манекенщицы, фотомодели, которое в структурном плане представляет собой парадокс: с одной стороны, ее тело имеет абстрактно-институциональную ценность, а с другой стороны, оно индивидуально. К другим способам можно отнести: а) ежегодное декретирование того, какие тела модны, а какие нет; б) «решения об устройстве одежды», чтобы она трансформировала реальное тело, придавая ему значение идеального: удлиняя, укорачивая, утолщая или делая его тоньше. Таким образом, изменение внешности становится целью (мишенью) нарциссической активности, и свое место среди прочих ее видов занимает эстетическая хирургия. Растущая демократизация эстетической хирургии, обусловленная страхом перед старостью и появлением морщин, рекрутирует в число зависимых от нее пациентов все более широкие слои населения. Данная тенденция характерна для всех высокоразвитых стран. Вместе с тем, ссылаясь на французскую и американскую статистику, можно утверждать, что в этих странах самой востребованной эстетической хирургической помощью является липосакция, тогда как в нашей стране — пластика век и подтяжка (лифтинг) кожи лица и шеи. Эстетическая хирур-

гия, прежде находившаяся под моральным запретом, теперь все больше воспринимается как никого не шокирующий метод и вполне законный способ стать моложе и красивее. Война с морщинами и нежелательной полнотой не ограничивается больше соблюдением диет и ухищрениями макияжа: отныне речь идет о том, чтобы «переделать» себя, изменить собственную внешность, бросая вызов времени. Если общедоступность и демократизацию эстетической хирургии легко объяснить развитием рынка услуг, то моральную приемлемость следует, по-видимому, связывать с меняющимся отношением к телу. Методы эстетической хирургии направлены на то, чтобы создать обманчивую иллюзию красоты и молодости.

Как отмечает Ж. Липовецки, характеризуя феномен современной моды, «в наши дни эстетические методы направлены не столько на то, чтобы создать обманчивую иллюзию красоты, сколько на то, чтобы сохранить тело молодым и стройным... Если мода в области одежды становится все менее настоящей и ей отводится в бюджете все меньше места, то критерии красоты тела заявляют о себе с удесyтеренной силой. Чем единообразнее мода, тем с большей очевидностью стройное и сильное тело превращается в общепринятую норму»⁷. Все превращения нарциссического тела, воспринимаемые сторонними наблюдателями, дают их счастливым обладателям уверенность в грандиозной самости и всемогуществе, в некотором превосходстве над окружающими, над претензиями на особый статус. Иными словами, тела перестают служить манекенами для разнообразных одежд и все более становятся предметом производства. Как следствие, эстетическая хирургия обретает моральную санкцию на любые телесные преобразования.

В этой связи важно подчеркнуть, что, в отличие от физического тела вообще, собственное тело дано индивиду непосредственно. В обыденном опыте то и другое соединяются особым образом, таким, что переживание власти над собственным телом становится основой переживания собственного «я», его конструирования. В таком случае благодаря телу человек не только способен открыть для себя весь предметный мир, но и как угодно его преобразовать, используя пластичность человеческого тела в соответствии со своими бесконечными желаниями. Таким образом, нарциссическая трансформация тела явно стимулирована становлением «культуры нарциссизма».

Помимо институциональных стандартов (в которых и проявляется влияние глобального общества) в формировании тела принимает активное участие тот, кому это тело «принадлежит». Нет ни малейших оснований считать «я», сложившееся на основании переживания собственного тела и связанное с ним нерасторжимыми узами, послушным исполнителем чужих приказов, покорно воспроизводящим институционально принятые модели. Напротив, культура нарциссизма, принуждая индивидов к самооценке, развивает в них способность к постоянной рефлексии над своим телом. Поэто-

му Ж. Липовецки даже считает нужным ввести понятие психологического тела: «Психологическое тело подменяет тело объективное, осознание которого становится конечной целью нарциссизма и заключается в том, чтобы заставить тело существовать ради самого себя, стимулировать его авторефлексивность, победить приниженное положение»⁸. В этой связи сошлемся на М. Фуко, который указывал, что «какой именно образ жизни будет самым здоровым для данного тела, лучше всего известно не изобретателям диет и гимнастик и не врачам, но самому обладателю этого тела, хотя даже и ему “здоровый образ жизни” приходится искать»⁹. Лучше всего телесное здоровье и красота сохраняются и развиваются тогда, когда тело живет в соответствии со своим предназначением, поскольку тело не только оказывает влияние на конструирование «я», но и позволяет испытать одновременно внешний и внутренний опыт. В этой связи важным становится вопрос о теле как носителе опыта, с точки зрения культурных корней эстетической хирургии — одного из одобряемых обществом методов изменения тела, опирающихся на его кажущуюся бесконечную пластичность.

Одновременное тождество и не-тождество своего «я» и тела объяснимо динамическим взаимодействием живого и «инкорпорированного» опыта. Отношение к телу как к воплощенному опыту описывается Э. Гуссерлем через «я-полюс» и «я-акты»¹⁰. Неизменность, устойчивость «я-полюса» проявляется в наличии устойчивого набора свойств; и это удостоверяется всякий раз, когда мы, возвращаясь к нему, находим в его составе не изменившиеся привычки или убеждения. Изменчивость «я» предопределена тем, что универсальной формой генезиса «я» оказывается время: «я» синтезируется в форме биографии, предполагающей одновременное присутствие (в памяти или в записи воспоминаний) сменяющих друг друга в реальности состояний «я», вызвавших те или иные привычные убеждения. Тело не запоминает прошлое, оно лишь приводит его в движение главным образом посредством представлений, получаемых от других, используя «техники тела», обусловленные структурной организацией «я». Именно поэтому совокупность того, что может вынести тело, того, во что еще оно позволит сыграть, одним словом, совокупность возможных телесных практик определяется в первую очередь устойчивостью, структурирующей силой «я» и стабильностью личностной организации.

Исходя из методологических положений о том, что теория является хорошо обоснованной, если в ней отсутствует логическое противоречие и имеется сфера практического применения, а также о динамическом соотношении теории с экспериментально полученными фактами, нами проведено лонгитюдное исследование личности пациентов эстетической хирургии. За 1999–2006 гг. на базе Клиники пластической, реконструктивной и восстановительной хирургии НПРЦ «Бонум» (Екатеринбург) было обследовано 844 пациента обоего пола в возрасте от 18 до 69 лет, обратившихся с запро-

сом на эстетическую хирургию. Запрашиваемое хирургическое вмешательство не обусловлено витальными или соматическими показаниями, а продиктовано потребностью пациентов в самоусовершенствовании.

Результаты исследований показывают, что для значительного числа пациентов (почти 40,0 %) характерна поразительная непоследовательность деятельности по преобразованию собственной внешности и тела, сопровождающаяся непостоянными и спорадическими приступами: налицо колебания между энергичными усилиями и бездеятельностью, самоограничением и обжорством, мобилизацией сил и расхолаживанием, самообладанием и распушенностью. Очевидно, что в этих колебаниях легко усмотреть своеобразную динамику нарциссизма, для которого характерны противоречивые стремления к грандиозности и перфекционизму, а также переживания по поводу неполноценности, зависимости от всемогущего объекта. Можно согласиться с мнением Н. Шварца-Саланта¹¹, что у разных людей существует самое широкое разнообразие нарциссических черт личности, которые могут быть доминирующими, а могут составлять лишь один из аспектов любого психологического паттерна. Иными словами, это может быть ярко выраженный паттерн, позволяющий говорить о личности с погранично-нарциссическим синдромом¹², но может быть некий дополнительный паттерн, вторичный и дополняющий основной, способствующий или препятствующий развитию личности. Например, под влиянием кинематографа, эстрады и других факторов многие, особенно молодые люди, незаметно для себя меняют манеру разговора, ходьбы, прическу и пр.

Нарциссические черты всегда входят в психологическую структуру творческой личности, что становится особенно очевидным, когда эта личность борется за то, чтобы внести свое творчество в мир. В таком случае речь идет не столько об отказе от собственного «я», сколько о выстраивании его позитивного, адекватного проявления собственным представлениям, лежащим в основе самоопределения. Иначе говоря, человеческая свобода приобретает дополнительные возможности реализации — преодолены казавшиеся незыблемыми границы психофизиологической целостности, границы тела, плоти. Само тело предстает не столько «темницей души», сколько первичной одеждой, которой можно манипулировать, играть, придавать любую, в том числе модную, форму. Б. В. Марков по этому поводу замечает: «Для большинства людей, прибегающих к услугам эстетической хирургии, коррекция фигуры, смена лица и даже пола кажется не утратой природной или культурной идентичности, а обретением иного, хотя и искусственного, но вполне онтологического статуса. Современный человек меняет знаки не потому, что утратил связь с почвой, наоборот, он меняет почву и судьбу, которые ранее считались незыблемыми»¹³.

Наряду с этим патологический нарциссизм другой группы пациентов, побуждаемый безудержным желанием достигнуть совершенства во всем,

перерастающий в насилие над собой, чреват глубокими стрессовыми и депрессивными состояниями и разрушительным стилем жизни. Такие пациенты идут на операции как на «ритуальный акт самосовершенствования», дающий сильные эмоции и переживания, в связи с тем, что их реальная эмоциональная жизнь оказывается поверхностной, а в своих переживаниях они получают очень мало наслаждения по сравнению с данью, которую извлекают из своих грандиозных амбициозных фантазий. При этом они ощущают сильную тревогу и тоску сразу же, как только завершаются необходимые послеоперационные процедуры, поскольку «кончается свет какого-то внешнего источника и не появляются новые источники света, подпитывающие их самооценку»¹⁴.

Другой важной характеристикой пациентов с погранично-нарциссическим синдромом, побуждающей их к неоднократным эстетическим операциям, является свойственное им маргинальное восприятие исторического процесса, временных границ. Они очень редко ощущают точное соответствие своему возрасту, часто чувствуют себя моложе или старше. Ощущение возраста для таких пациентов весьма смутно и существенно изменяется в зависимости от событий и ситуаций, соответствующих либо перфекционистскому возвеличиванию, либо фрустрирующему самоуничижению. Таким образом, любое реальное жизненное событие для них является важным и значимым лишь постольку, поскольку на это событие влияет давление грандиозности нарциссической личности.

Отсутствие у нарциссической личности чувства времени сопровождается слабой связью с личностными психическими процессами, в результате чего утрачивается способность к адекватной оценке своих возможностей, а это, согласно О. Кернбергу, приводит к трагическим ситуациям, которые все чаще встречаются в жизни современного человека и с возрастом все хуже переносятся. Так, у многих пациентов клиники эстетической хирургии с диагностированным погранично-нарциссическим синдромом в течение длительного периода сохранялась относительно устойчивая социальная адаптация, импульсивный контроль и так называемый псевдосублимационный потенциал как способность к активной, плодотворной работе в тех областях, где они в какой-то мере могут удовлетворить свои перфекционистские фантазии, вызывая восхищение окружающих. По-видимому, закономерен рост запросов к эстетической хирургии пациентов обоего пола 45–60 лет, значительно превосходящий динамику обращений в других возрастных группах.

Более того, социально-профессиональный статус обследованных нами пациентов является достаточно высоким. У большинства из них (84,6 %) высшее образование; 30,9 % имеют свое дело, занимаются предпринимательством; 32,7 % занимают высокие и ответственные посты (директор, главный бухгалтер, главный врач). По семейному положению пациенты распре-

делились следующим образом: 61,5 % — замужем или женаты, 30,9 % — разведены, 0,8 % — вдовы. Платят самостоятельно за эстетические операции, не рассчитывая на финансовую поддержку других членов семьи, 82,0 % пациентов.

Можно предположить, что недостаточные внутренние ресурсы нарциссической личности, невозможность эффективного функционирования в дальнейшем с использованием привычных стереотипов деятельности и коммуницирования вынуждают ее к телесному манипулированию: от эстетических операций по поводу совершенствования и изменения формы лица и тела до серьезных трансформаций органов.

Особого внимания заслуживают интимно-личностные отношения таких пациентов. Дело в том, что их внешним объектным отношениям присуща дихотомия. Они бессознательно делят людей на две категории: тех, кто не представляет никакой ценности и могут подвергаться безжалостной эксплуатации, и тех, кого следует опасаться, поскольку этих могут использовать другие и заставят им подчиниться. Если такого пациента покидают или разочаровывают люди, которые были с ними как-то связаны, они могут проявлять поверхностное чувство, с виду напоминающее депрессию, переходящую впоследствии в обиду и гнев, наполненные мстительными фантазиями, но при этом не переживают подлинной грусти от потери человека, которого они когда-то ценили.

Большинство людей «нормально» проходят путь между семьей и одиночеством, допуская плюрализм жизненных форм, т. е. смену семей, соединенную и прерываемую другими формами совместной и одинокой жизни. Место ядерной семьи занимает поиск приемлемых для индивида норм совместной жизни; и сам этот поиск становится нормой. «Я» пограничной личности, не подтвержденное значимым другим, становится катастрофой, «редуктивным фантазмом»¹⁵ и требует немедленных действий, направленных на ригидное сохранение утративших смысл связей и отношений. При этом требования к любовным отношениям связаны с жесткими установками относительно поведения людей в паре, которые помогают избежать измен, расставания и пр. Использование неадекватных стратегий определяет непосредственное эмоциональное решение проблем. Снятие негативных ощущений достигается путем видимых внешних изменений.

В качестве наиболее приемлемого способа выйти из ситуации жизненного кризиса выступает эстетическая операция как нарциссическая иллюзия лучшего будущего. Ведущим мотивом является не просто достижение совершенства, а желание избавиться от собственного «я» и обретение вместо него другого «я». На хирурга возлагается задача, которая не может быть им решена. Нереалистичные ожидания таких пациентов, по-видимому, связаны с присущим им полным или частичным нарушением тестирования реальности. Поэтому интрапсихические проблемы, требующие разрешения,

проецируются на определенные части тела или лица, происходит концентрация внимания на определенных зонах, вызывающих беспокойство, которые и являются предметом хирургического вмешательства. Однако несмотря на проведенную операцию, сфокусированность на данном участке тела не исчезает, побуждая пациентов к дальнейшим поискам подходящего пластического хирурга и клиники.

Таким образом, свойственная личности с погранично-нарциссическим синдромом неспособность разрешать жизненные трудности, «бредовая идентичность» мотивируют ее к эстетической хирургической операции, определяют поиск суррогатных способов упрочения и развития близких дружеских и любовных отношений. Но в то же самое время большинство (более 80,0 %) пациентов данной группы, еще находясь в стационаре, планируют очередное эстетическое хирургическое вмешательство.

Итоги проведенного исследования показывают, что тело и личность — не просто результаты «дискурса», т. е. нормативно-ценностных включений в культуру. Предстоит еще приложить достаточно усилий для того, чтобы провести убедительный анализ влияния общества на телесность человека, в том числе на достаточно изощренные механизмы изменения феноменологии тела.

¹ Цит. по: *Эпштейн М. Н.* Философия тела // Эпштейн М. Н. Тело свободы. СПб., 2006.

² См.: *Сеннет Р.* Падение публичного человека М., 2002.

³ См.: *Фрейд З.* Психология бессознательного М., 2006. С. 45, 47, 62–63.

⁴ *Липовецки Ж.* Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.

⁵ См.: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

⁶ См.: *Барт Р.* Система моды: Статьи по семиотике культуры. М., 2003.

⁷ *Липовецки Ж.* Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб., 2003.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ *Фуко М.* Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002.

¹⁰ См.: *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.

¹¹ *Шварц-Салант Н.* Нарциссизм и трансформации личности. М., 2007.

¹² *Соколова Е. Т., Чечельницкая Е. Т.* Психология нарциссизма. М., 2001.

¹³ См.: *Марков Б. В.* Реквием сексуальности // Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000.

¹⁴ *Кернберг О.* Тяжелые расстройства личности. М., 2001.

¹⁵ См.: *Бодрийяр Ж.* Символический обман и смерть. М., 2000.

Статья поступила в редакцию 11.01.2008 г.